

ВЕРА В НЕОБХОДИМОСТЬ БОРЦА В МЕНЮ УХОДИТ....

(А.ВЕТЛУГИН – АМЕРИКАНСКИЙ ЖУРНАЛИСТ)

Кажется, мы все еще недостаточно знаем об одной из самых интересных и загадочных фигур русской эмиграции. Это Владимир Ильич Рындзюн (1897 – 1953)¹, которому под псевдонимом «А. Ветлугин» (почти под тем же псевдонимом – В. Ветлугин – печатался до того Розанов в «Земщине»), предстояло стать одним из самых ярких журналистом русского Парижа и Берлина ранних 20-х годов. Рындзюн родился в Ростове в семье еврейского врача Ильи Галилевича Рындзюна, там учился в гимназии, затем переехал в Москву и успел к началу революции окончить юридический факультет Московского Университета, одновременно поучившись и на историко-филологическом, и на медицинском. Главные лица детства — жесткий, скептический отец, его приятель-врач — колоритный старый еврей и радушный, циничный дядя, новороссийский хлеботорговец — подробно изображены в во многом автобиографическом романе Ветлугина «Записки мерзавца».

Осенью-зимой 1917 года Рындзюн-Ветлугин, двадцатилетний начинающий литератор, печатавшийся до того только в студенческих журнальчиках², дебютировал как весьма профессиональный журналист, в московской оппозиционной газете «Луч правды»

С весны 1918 года Рындзюн начинает работать в виднейшей оппозиционной московской газете «Жизнь», которую издавал И. Д. Сытин и которой руководили анархисты А. А. Боровой и Я. Новомирский³.

Может быть, уже в своих ранних статьях, которые до сих пор никем не собраны и не оценены, Рындзюн достоин того, чтобы рассматриваться на равных с наиболее интересными тогдашними журналистами. Очень скоро – уже в 20-х номерах – имя Рындзюна вносится в список наиболее авторитетных сотрудников, а в 30-х номерах, на заключительной стадии существования газеты, его имя включено в перечень ведущих авторов политических статей.

«Жизнь», как и все остальные некоммунистические издания, была вскоре закрыта, и её сотрудникам грозил арест. Именно тогда – после убийства графа Мирбаха, подавления прессы и начала террора в июне 1918 – он уезжает в Харьков, задерживается на два месяца в Крыму. «В августе 1918 проехал на Дон, а оттуда, избегая красновской мобилизации, в Екатеринослав, Харьков, Киев <...> Из Киева <...> отбыл в Берлин,

---

¹ Дата 15 мая 1953 года приводится на сайте Internet Movie Database (www.imdb.com). На сайте New York Public Library указывается наличие материалов Ветлугина в отделе архивов и рукописей, поступивших в 1951 году. Имя и фамилия его в Америке приняли форму Voldemar Vetlugin.

² Я благодарю за это сообщение А. Парниса.

³ Участие Рындзюна в московской «Жизни» подробно освещено во вступительной статье Л. Николаева «Ибикус, или жизнь и смерть А.Ветлугина» // *Ветлугин А. Сочинения. «Записки мерзавца»* М., 2000. С. 8-11.

Мюнхен, Вену»⁴. В Германию он приезжает как раз к тамошней революции. Не получив швейцарскую визу, Рындзюн возвращается в Киев, занятый германскими войсками: «Но гетман Скоропадский объявил всеобщую мобилизацию. Бежал в Харьков, где и был мобилизован атаманом Балбачаном. Бежал обратно на Дон, в Ростов. <...> В феврале Деникин объявил мобилизацию; спасаясь, поступил в белую газету. Подозревали в большевизме, подписывался “Д. Денисов”».

По поводу «белой газеты»: он начинает работать в ростовской газете, которая также называется «Жизнь», издает ее Ю. Н. Семенов, литературным отделом заведует И. Д. Сургучев, в числе сотрудников В. А. Амфитеатров-Кадашев, И. Ф. Наживин, А. Дроздов и другие. Рындзюн фактически является секретарем редакции, статьи свои⁵ он публикует под псевдонимами, одним из которых и стал «А. Ветлугин». При отступлении белых к Ростову он заболевает сыпным тифом, но в самом конце декабря 1919 года успевает уйти из Ростова, чтобы переправиться в занятый англичанами Батум. В мае 1920 года, накануне перехода города в руки большевиков, он эвакуируется с англичанами в Крым: «потерял последние деньги и последнюю веру в белое движение. Бежал в Константинополь, голодал». Осенью 1920 Рындзюн с помощью А. И. Куприна перебирается в Париж.

Некоторое время он сотрудничает в парижской газете И. М. Василевского «Свободные мысли», но она закрывается, и с февраля 1921 года Ветлугин становится сотрудником «Общего дела» В. Л. Бурцева. Именно в ней он разворачивается как ведущий журналист эмиграции. Его фантастическая информированность, необычайное знание материала, великолепный язык, жесткий динамичный стиль выдвигает его на первое место в парижской русской журналистике.

В 1921 году в парижском издательстве «Север» выходит первая книга Ветлугина «Авантюристы Гражданской войны». Следующая его книга – «Третья Россия» публикуется в самом начале 1922 года в Париже, в издательстве «Франко-русская печать». Еще летом 1921 г. русская эмиграция в Париже ощутила кризис; ощутил его и Ветлугин. И хотя в очерке того времени «Последняя метель» (потом появившемся в книге «Третья Россия» он писал об идеологах сменовеховства с издевкой, называя их неославянофильскими ублюдками, обвиняя во второсортности, неоригинальности и злорадствуя по поводу их неизбежного альянса с советской властью, тем не менее в январе 1922 года он договаривается о сотрудничестве со сменовеховской газетой «Накануне», и в марте переезжает в Берлин.

В «Накануне» Ветлугин печатается в редактируемом А. Н. Толстым «Литературном приложении». В издательстве «Русское творчество», литературным отделом которого также заведует А. Н. Толстой, в том же 1922 году выходят две книги очерков Ветлугина: «Герои и воображаемые портреты» и «Последыши». «Воображаемые портреты» называлась книга эссе любимого писателя Ветлугина – знаменитого английского художественного критика-символиста Уолтера Патера (1839–1894), вышедшая в 1887 году. То же издательство публикует его роман «Записки мерзавца: моменты жизни Юрия Быстрицкого». На эту попытку исповеди

---

⁴ Писатели – о себе: А. Ветлугин // Новая Русская Книга, № 3. Берлин, 1922. С. 41 и сл.

⁵ Одна из них перепечатана в альманахе «Казачий круг» №2, 1991 г.: «Жизнь» (Ростов-на-Дону), №59, 4 (17) июля 1919 г.

современного имморалиста реагировали недоверчиво: «Это дядя-Ваня, Гаев из “Вишневого Сада”, а вовсе не подснежник третьей России, матерой спекулянт, претендующий на звание “мерзавца”!» — писал И.М. Василевский-Небуква, коллега Ветлугина по «Накануне», признавая, впрочем, высокие художественные качества романа: «Творчество на лицо, ибо на лицо талант, своеобразие и острота подхода к жизни, и творчество русское, ибо дерзкое и безудержное, от Ивана, не помнящего родства, от прощального письма самоубийцы⁶».

«Накануне» – просоветская газета, финансируемая из Москвы, и Союз русских литераторов и журналистов ставит вопрос о дальнейшем пребывании её сотрудников в Союзе. Весной 1922 года А. Н. Толстой и двое его коллег по «Накануне» – И. М. Василевский и А. Ветлугин решают выйти из Союза.

Ветлугин еще зимой 1922 г. знал и рассказал Дон Аминадо, куда он поедет из русского Берлина. В сентябре 1922 г. он сопровождает Есенина с Айседорой Дункан и Александра Кусикова в турне по Америке в качестве их секретаря и переводчика (судя по путевым заметкам Есенина, по-английски он объяснялся), и решает остаться в Америке, где в конце 1923 г. получает колонку в нью-йоркской просоветской газете «Русский голос» и вскоре становится ее редактором.

Хотя Ветлугин и не первый придумал концепцию Третьей России⁷, он стал ее певцом, сделав ее настоящей героиней своего творчества:

*Третья Россия, не Ленинская и не Керенская, не наша и не ваша.
Хотите, купите, не хотите, идите к черту, а я общая, кадетская и
махновская, красная и черная, белая и зеленая, ни на чьи мобилизации не
откликаюсь, а, если кого и люблю назаправде (sic!- Е.Т.), так уж, конечно,
мешочников. Продают муку и рассказывают новости.⁸*

Тогда еще это казалось неслыханным цинизмом и беспринципностью обоим лагерям, застывшим в схватке.

---

⁶ Василевский (Не-Буква) И. Современники. («Записки мерзавца» А. Ветлугина. Изд. «Русск. Творчество» Берлин, 1922 г.) Накануне, 27 авг. 1922 г. №15. С. 4–7.

⁷ Это термин Мережковского: «<...>большевизм может быть побежден только “Третьей Россией”. Что такое Третья Россия? Россия первая — царская, рабская. Россия вторая — большевистская, хамская; Россия третья — свободная, народная.» Мережковский Д. Царство Антихриста. СПб., 2002. С.6. Мережковский, однако, понимал Третью Россию вовсе не как соглашательство с большевиками – напротив, она настанет, когда все станут с ними непримиримы (С.9).

В мемуарах Крандиевской описывается, как во время визита к Савинкову Толстой пришел в ярость, решив, что «третья Россия» – это Россия, которую Савинков «продает» Антанте. Крандиевская-Толстая Н. В. Воспоминания. Л., 1977. С.176–177. Возможно, мемуаристка что-то упростила: Бунина вспоминает вечер у Савинкова иначе: «Вечер у них был один из самых интересных в Париже. <...>Его программа — “Родина, Демократическое Управление и Частная собственность” <...>он говорил, что считает, что нужно дать землю крестьянам и возможность работать, чтобы они могли жить лучше, богаче. А до всяких идеалов ему дела нет, в чем с ним не соглашался Толстой.» Устами Буниных: Дневники Ивана Алексеевича и Веры Николаевны и другие архивные материалы: В.3 т./ Под редакцией М. Грин. — Т.1, Франкфурт-на-Майне. 1977. Т.2.С.13.

⁸ Ветлугин А. Сочинения. Указ. соч. С. 266–267.

Именно этот идеально антиидеологичный журналист воплотил литературное «сменовеховство» в серии живых, актуальных, страстно написанных очерков эмигрантской культуры.

Ярким стартом своего «Литературного приложения» к газете «Накануне» Толстой был во многом обязан Ветлугину как журналисту. Сдружившись с приехавшими весной 1922 г. в Берлин Есениным и Кусиковым, тот, однако, сам начал выступать в качестве оригинального автора.

Ветлугин, как выясняется, и раньше встречался с Есениным — это скорее всего могло быть зимой – весной 1918 г., когда Ветлугин сотрудничал в «Жизни» анархиста Борового и вращался в московских околоанархистских компаниях. Теперь он весьма грамотно нагнетает вокруг московских визитеров ажиотаж, создает из них литературную группу, примкнув к ним третьим, придумывает им идеологию и выступает в роли весьма эффективного критика Есенина — и наконец присоединяется к Есенину и Кусикову и едет с ними в Штаты в качестве переводчика.

В Америке Ветлугин действительно выступает в роли переводчика, как это явствует из очерка «Железный Миргород» Есенина, который несколько раз упоминает своего «спутника»: вот они на Эллис Айленде, ожидают спуска на берег: «Ночью мы грустно ходили со спутником по палубе. Нью-Йорк в темноте еще величественнее», вот первый взгляд на статую Свободы: «Садясь на пароход в сопровождении полицейских, мы взглянули на статую Свободы и прыснули со смеху. («»)»Бедная старая девушка! Ты поставлена здесь ради курьеза!» – сказал я. Журналисты стали спрашивать нас, чему мы так громко смеемся. Мой спутник перевел им, и они тоже засмеялись.» Вот им устраивают политический экзамен: «Смотри, – сказал я спутнику, это Миргород! Сейчас прибежит свинья, схватит бумагу, и мы спасены!» Есенина спрашивают, верит ли он в Бога. «Что мне было сказать? Я поглядел на спутника, тот кивнул головой, и я сказал: – Да.»⁹

Напрасно в эмиграции считали Ветлугина самозванцем, не знающем английского языка. Ветлугин служил, как видно из этого текста, не только переводчиком. Он еще и проводник по непонятному западному миру (хотя и он в Америке очутился впервые), он быстро соображает и принимает решения. Какие еще роли пришлось Ветлугину играть во время этой поездки? Кроме няньки, опекуна, порученца, посредника, пытающегося смягчить впечатление от скандального поведения своего друга в Нью-Йорке, (о чем ниже), кроме конфиденанта имажинистов (чему свидетельство – письмо Есенина Мариенгофу: «Милый Толя. Если бы ты знал, как вообще грустно, то не думал бы, что я забыл тебя, и не сомневался, как в письме Ветлугину, в моей любви к тебе»¹⁰) – всегда превосходно осведомленный Ветлугин был на шаг впереди Есенина в ознакомлении с Америкой. Экскурс об индейцах в очерке Есенина может указывать на такое знакомство с «внутренними» американскими реалиями, которое вряд ли на тот момент имелось у Есенина:

<...> от многомиллионного народа осталась горсточка, <...> которую содержат сейчас, тщательно отгородив стеной от культурного мира, кинематографические предприниматели. Дикий народ пропал от виски. Политика хищников разложила его окончательно. Гайавату заразили

---

⁹ Есенин Сергей. Собрание сочинений в пяти т.т.. М., 1962. Т.4. С.259-261.

¹⁰ 12 ноября 1922 г. Указ. соч. Т.5. С.168.

сифилисом, опоили и загнали догнивать частью на болота Флориды, частью в снега Канады. <...> Сейчас Гайавата – этнографический киноартист; он показывает в фильмах свои обычаи и свое дикое несложное искусство. Он все так же плавает в отгороженных водах на своих узеньких пирогах, а около Нью-Йорка стоят громады броненосцев<...>¹¹

Мы находим нечто подобное у Ветлугина в одной из более поздних корреспонденций: «Совсем не вижу ни индейцев, ни ковбоев. Все они на службе в Голливуде», пишет он, впервые пересекая американский континент по пути из Нью-Йорка в Калифорнию 29 мая 1925 г. – и возможно, это память о тех первых днях в Америке, когда они с Есениным вместе ее узнавали. Есенин удовлетворился в своем очерке оценками вроде: «Искусство Америки на самой низшей ступени развития. Там до сих пор остался неразрешенный вопрос: нравственно или безнравственно поставить памятник Эдгару По»¹². Ветлугин, хотя в первый год и у него можно найти подобное культурное раздражение, в особенности по поводу американской нравственности, оказался способным учиться и меняться.

В 1923 г. он начинает работать в «Русском голосе» (обе крупнейшие нью-йоркские русскоязычные газеты – и антисоветское «Новое русское слово», и просоветский «Русский голос» принадлежали одному владельцу – журналисту Якову Окунцову, сделавшему себе имя как военный корреспондент в Первую Мировую). С начала 1923 г. почерк Ветлугина начинает чувствоваться в кое-каких материалах «Русского голоса». Вначале он подписывает свои обзоры инициалом «В.» («Брызги эмиграции», 22 февраля 1923 г.– едкая заметка о русском посольстве в Париже) или псевдонимами: вполне возможно, что именно ему принадлежат материалы «Российский быт. О хипесниках (Из “Известий”» 4 февраля, за подписью М.Лисовский и «Мастыри. Из быта уголовщины» 18 марта за подписью Н.Зубовский, а также многочисленные статьи и обзоры, подписанные «Обозреватель»: ряд статей о Германии, статья о Керенском («Жив Курилка», 12 апреля), о Вырубовой (2 мая), о французском романе, о России («Ноктюрн»). ((«Иностранцы о России», 8 мая).

Уже в июле 1923 г. Ветлугин поехал в Берлин от той же газеты корреспондентом: в октябре «Русский голос» торжественно возвещает о его возвращении из трехмесячной поездки по Европе, и под постоянным его литературным именем «А.Ветлугин» публикует (20, 22 и 24 октября) цикл очерков «По умирающей Европе».

Я не был в Европе 9 месяцев. У матерей это срок беременности. У материков это миг, секунда. Но Европа остается верна своему последнему сумасшествию и за девять месяцев она выносила и родила собственную смерть<...> (22 октября).

Ветлугин пишет о «приличной внешности и кошмарах», о безработных и ресторанных кутежах, о снижении рождаемости – «кризисе европейского человечества»; он живописует засилье американцев в Париже, ставшем «музеем для янки», о

---

¹¹ Т.4. С.263.

¹² Т.4. С.266.

руссификации Германии и о вымирающем Берлине, он сравнивает процессы распада Германии с Россией накануне революции: Штреземан – Керенский, Украина Петлюры – Рейнская республика, Бавария – Дон, и т.д. – «Найдутся ли Ленин и Троцкий?» (24 октября).

Награда молодому журналисту за европейскую поездку последовала сразу. Сразу по возвращении, 25 октября, Ветлугин начинает вести в «Русском голосе» ежедневную колонку «День за днем». Теперь в центре его внимания – американские реалии: Эллис Айленд и бокс, кино и проповедники, безработные и скачки, налоги и отсутствие у американцев чувства юмора. Касается он и русских дел: пишет о занятиях великих князей и о письме, которое ему прислал Анри Барбюс, об эмигрантских скандалах в Америке – и о новых странах: Южной Америке, Австралии, Новой Зеландии, которые, как ему кажется, свободны от повсеместного американского ханжества.

В «Русском голосе» исподволь происходят перемены. Еще весной 1923 г. там начинает работать Давид Бурлюк, попавший в Штаты через Сибирь, Дальний Восток и Японию: он ведет литературную страницу. Читатель газеты в основном говорил на идише и украинском, русский язык был у него не родной, культурный уровень весьма низкий, и качество литературной самодеятельности, поощряемой Бурлюком, было невероятное. Но с 4 ноября 1923 г. выходит большой воскресный номер с литературной страницей – ее ведут Ветлугин и Бурлюк. Литературный дискурс в газете становится заметно менее провинциальным – Ветлугин пишет о Борисе Григорьеве, о рукописи его пристрастных воспоминаний о Париже и эмигрантской жизни «Домик жирафа». 2 декабря воскресный номер «Русского голоса» публикует стихи Мандельштама, материал «Горький о Короленко» и очерк В. Крымова «Литературная жизнь Москвы». Следующие воскресные номера знакомят с произведениями Всеволода Иванова и Пильняка. Газета становится все лучше – и все более похожей на «Накануне».

С начала ноября 1923 г. газета извещает: «Алексей Николаевич Толстой и Василевский (Не-буква) приглашены в качестве сотрудников «Русского Голоса», и в скором времени появятся их первые статьи». Видимо, воскресное приложение и было организовано с расчетом на возможное участие бывших берлинских, ныне уже российских сменовеховцев. Этот план, о котором он, очевидно, договорился с Толстым и Василевским в конце июля в Берлине перед отъездом их в Россию, так и не был реализован. Однако Толстой в это время постоянно незримо присутствует в «Русском голосе»: в воскресенье 18 ноября 1923 г. газета публикует беседу с А. Н. Толстым (за подписью: А. Злат.)

Сюжеты, связанные с Алексеем Толстым, еще долго будут появляться на страницах американской газеты – это забавные эпизоды последних ветлугинских встреч с ним:

Пьеса Алексея Ник. Толстого (главное действующее лицо – Екатерина 2) разрешена к постановке в Москве, несмотря на принадлежность её героев к дому Романовых. Помню последний разговор с Алексеем Ник. в конце июля в Германии, перед его отъездом в Россию.

«Как вы думаете, разрешат вашу пьесу?»

«Почему нет?»

«А Екатерина 2»

Толстой лукаво улыбнулся: «У вас в Америке плохо знают современную Россию. Не то что на сцену, на улицу и то Романовых пустят. Только... только понадобился бы усиленный патруль милиции, чтоб их... верноподданные не разорвали. (23 ноября 1923 г.);

Как-то, минувшим летом, (в Берлине) заехал в банк, получать по

переводу из Америки. А. Н. Толстой поджидал меня на скамейке около банка.

Назавтра в белой газете «Руль» была длиннейшая статья, в которой описывалось, как А.Н.Т. получал «десятки тысяч долларов». (5 января 1924 г.).

Между Ветлугиным и Толстым продолжается переписка:

«Петербург-Петроград-Ленинград»

А.Н. Толстой пишет мне:

«Новый Петербург опрятен, чинен, суров и великолепен. Вымели нечисть из великого города.

Умер Петербург, Петроград. Да здравствует Ленинград!» (26 января 1924 г.).

И наконец, в 1924 г. «Русский голос» печатает из номера в номер, во многих номерах вышедшую еще в предыдущем году в журнале «Красная новь» «Аэлиту».

По следам европейского путешествия в колонке Ветлугина один за другим появляются материалы, связанные с русской литературой и культурой; 19 ноября он пишет о Конради – оправданном убийце Воровского. 21 ноября пытается объяснить, почему американцы не поняли МХТ. 24 ноября раздражается панегириком Илье Ионову – этому «советскому Сытину» («Те, о ком мало пишут»). 26 ноября – пишет о болезни Есенина, страстно оправдывая своего бывшего друга. 27 ноября – о своем визите в «Новое русское слово». 28-го – о Милюкове. 29-го – о всеобщем разочаровании в эмиграции. 1 декабря «День за днем» дает маленькое эссе в духе прежних парижских очерков Ветлугина, не исключено даже, что оставшееся с тех времен – опубликовать его раньше было бы немислимо:

Как-то под рождество (в год голода) большой русский писатель Бунин ходил по Парижу и глаза его радостно блистали.

«А из России-то хо-орошие сообщения» – говорил он нараспев.

«А что?»

«В Самаре еще одного человека съели.»

«Что же тут хорошего?»

«А то, что большевики скоро падут.»

Пал блестящий сверкающий снег. И блеском сумасшедшего сверкали глаза большого писателя.

Траур, траур.

29 ноября «Литературный четверг» Бурлюка помещает объявление о докладе Ветлугина о поездке в Европу – «Пожар в сумасшедшем доме», и 1 декабря в 1.45 дня действительно состоялось «Первое литературное утро» Давида Бурлюка и А.Ветлугина. Кроме европейских впечатлений, речь шла о новых стихах российских поэтов. Здесь опять, как и во «второй», воскресной литературной странице, налицо плодотворное сотрудничество Ветлугина с Бурлюком.

Несколько раз он освещает явно интригующую его фигуру импрессарио Мориса Геста, организующего гастроли тех или иных европейских – и в первую очередь, русских – знаменитостей. Он восхищается Никитой Балиевым – «русским, который смеется»; анализирует причины неполного успеха гастролей Художественного театра – действительно, «Синяя птица» разочаровала зрителя; газета посвящает целую полосу приезду в Штаты театрального художника Сергея Судейкина – и по этому поводу Ветлугин перепечатывает кусок из статьи А.Н.Толстого о Судейкине из парижского журнала «Жар-птица» за 1921 г.; уморительно описывает гастроль Анны Павловой в Мексике (где презирают бумажные деньги и платят артистам мешками с серебряной монетой) или свой поход в нью-йоркский Еврейский театр Рудольфа Шильдкраута; рецензирует пьесу «Почем слава» Лоуренса Сталлингса. Однако, все больше и больше материалов он посвящает фильмам, киноактерам, кинорежиссерам. Главное, что происходит с ним, можно выразить одной фразой: в 1925 г. в центре его интересов прочно становится кино.

Так, он пишет восторженную рецензию на великий фильм «Пони Экспресс» Джеймса Круза; его приглашают на открытие «Эмбасси» – кинематографа для избранных – на премьеру «Веселой вдовы» Эрика фон Штрогейма; он публикует большой расхолаживающий фельетон, адресованный жаждущим кинославы. Видимо, именно тогда, в начале 1925 г., он знакомится с русскими кинодеятелями, и прежде всего с режиссером Дмитрием Семеновичем Буховецким. Одной из его излюбленных тем становятся немногие русские счастливицы, получившие работу в Голливуде: такие, как Буховецкий или актер Вавич. Вскоре он начинает звучать как настоящий профессионал (впрочем, так происходит со всем, за что он берется) – и отвечая на просьбы компатриотов о протекции, публикует нечто вроде опровержения:

...Кстати, говоря о синемамографе. Не знаю почему и отчего, за последнее время среди русских, мечтающих о долларах Великого Немого, создалось впечатление, что пишущий эти строки пользуется каким-то влиянием в синемамографических сферах и что через него можно получить место. Из всего того, что обо мне было сказано, написано и подумано за последние 32 года, это впечатление является наиболее ошибочным.

Все мои связи в кинематографическом мире ограничиваются тем, что, когда я протягиваю кассирше кинематографа Капитоль долларовую бумажку, она, не требуя метрики, дает мне один билет в «оркестра» и пятнадцать центов сдачи.

Таким образом, как жестоко заблуждается тот прекрасодушный юноша, который на прошлой неделе прислал мне письмо из Бронкса, начинавшееся следующей классической фразой: «Что Вам стоит дать мне рекомендательное письмо к Глории Свансон» (10 мая 1925 г.).

Далее Ветлугин описывает воображаемую сцену: как у Свансон уходит лишь несколько секунд на то, чтоб уничтожить подобную непрошеную рекомендацию.

Наконец, в конце мая 1925 г. он сообщает читателю о своем предстоящем отъезде в Калифорнию – посмотреть на то, как живут и работают преуспевшие русские артисты, сумевшие найти «джаб» в студиях Голливуда; обещает подписчикам беседы с Вавичем и Буховецким («Отъездное», 26 мая 1925 г.).

Поезд «Двадцатое столетие», который мчит его через североамериканский континент, вдохновляет его на длиннейшую телеграмму, которую он просит газету напечатать вместо своей колонки:

Поезд прыгает, словно дикая кошка, попавшая на лекцию о современном искусстве. Невозможно писать, не застраховав передних зубов. <...> Совсем не вижу ни индейцев, ни ковбоев. Все они на службе в Голливуде. По прибытии в Сан -Франциско обещаю фонтан статей.<...> (29 мая 1925 г.).

В Калифорнию и ее «нектарный воздух» Ветлугин влюбился с первого взгляда. Воображение нью-йоркца пленил деревенский стиль жизни тогдашней Калифорнии, квартирам предпочитавшей собственные отдельные дома, и особенно поразила «деревня стопроцентного комфорта» – Голливуд.

Вскоре обещанный фонтан статей забил. В статье «Самое сильное оружие» Ветлугин с энтузиазмом описывает мировое влияние киноиндустрии США на человечество, с перспективой полной его американизации. Он берет интервью у Дугласа Фэйрбэнкса и у Мэри Пикфорд, проводит длиннейшую и интереснейшую беседу с Чарли Чаплиным. Описывает съемки в Юниверсал Сити; живописует триумфальную премьеру «Золотой лихорадки» и голливудскую ярмарку статистов, надеющихся на свой шанс (статья «Город разбитых сердец»). В конце концов, понимает, что тут рождается что-то качественно новое, и пишет о смещении рас в Голливуде: «Это как бы вторичное кипячение и варка характеров» (статья «Повторенный опыт», 24 июня 1925 г.)

Сквозь все его статьи и интервью проходит еще одна тема: русские в Голливуде, и шире – русские в Калифорнии. Оказывается, в Сан-Франциско чувствуется русское влияние – витрины, шали, стиль рюсс, русские музыканты, русские рестораны – всего этого много, и все это, однако, третьесортное. Но все же – и это то, чего нет в Нью-Йорке – в Калифорнии встречаются преуспевшие, главным образом в бизнесе, соотечественники. Есть они и в Голливуде – и Ветлугин несколько подробнейших статей посвящает деятельности Буховецкого. Буховецкий построил в Голливуде Невский проспект. Буховецкого осаждают соотечественники, прося места хотя бы в «атмосфере» – тяжела шапка Буховецкого. Вполне вероятно, что, познакомившись с Буховецким весной, во время визита того в Нью-Йорк, Ветлугин был обязан приглашением в Голливуд именно ему. Кто, кроме Буховецкого? – Вавич, Назимова, Сусанин, Пола Негри («здесь идущая под этикеткой “Польша”», иронически комментирует он). И суммирует – тут больше выходцев из России, чем русских фамилий.

Проходит пять недель, и за это время что-то произошло с самим Ветлугиным, впервые оказавшимся вне эмигрантского общества. «Как будто кошмар рассеялся», пишет он, и предлагает читателям повторить свой опыт. Для этого необходимо «думать по-английски»:

«Думать по-английски» доступно даже тем, кто не знает ни одного английского слова. Думать по-английски – значит отрешиться от психологии подполья, от Достоевщины, от мрака самоубийственного саморазгрызания и знать, что мир прекрасен и полон возможностей. И – «победителей не судят» и лошади, пришедшей последней, не выдают первого приза (статья «Думайте по-английски», 8 июля 1925 г.).

В следующих статьях своих он уже видит, что русский язык писем из России – непонятен, что эмигранты стали иностранцами, Ветлугин вообще удивляется легкой ассимиляции русских – «все они уже французы, немцы, американцы». Он явно сочувствует американцам, приносящим молитвы Богу за то, что не сотворил их европейцами – «Европа не хочет работать», в ней «все ради истребления». Ветлугину нужно было вырваться из Нью-Йорка, чтобы почувствовать себя американцем.

Эта тема не выходит у него из головы. И через несколько месяцев по возвращении из

Голливуда он пишет о расстоянии между собой теперешним и собой прежним: «Русские люди очень быстро забывают о порванном чемодане, с которым они приехали в Америку. И глядя на новенький Гармановский сундук думают: “Обидела нас Америка”». Автор спрашивает себя, чему он разучился и чему научился за пребывание в Америке, подсчитывает приходы и убытки:

Сперва о последних: Целый ряд фраз «переиначиваю» на английский склад, ожесточается сердце, теряю веру в обещания (хотя последнее может быть с таким же успехом отнесено в разряд приходов), теряю жажду общения с приятелями, проводящими ночи в душегубящих и душеспасительных спорах, теряю восторженную веру в то, что русские писатели – самые лучшие писатели в мире, лучшие артисты в мире – русские артисты и т.д. и т.п. Да, вера в необходимость борца в меню уходит. Начинается американизация.

Приходы:

Научаюсь писать письмо на одной странице и в четырех строках излагать то, что в России занимало шесть страниц на обеих сторонах листа. <...> Развивается истинно просветленное отношение к никчемности университетского образования.<...> Понимание размеров телефонного разговора. («Юбилей, которых не празднуют», 21 октября 1925 г.)

Упоминание в этой статье об обещаниях, которым автор перестает верить, может быть, имело целью напомнить о себе кому-то, кто обещал ему организовать повторный визит: и с начала ноября Ветлугин опять в Голливуде! 11 ноября он публикует корреспонденцию о съемках фильма «Полуночное солнце» Буховецкого. Целый ряд корреспонденций посвящает голливудскому быту: описывает патриархально-трезвенные его нравы – здесь прогибишен не фарс, потому что нервная энергия уходит на другое – на интриги, ожидание и т.д. Заинтересованно и со знанием дела пишет о спекуляции землей в Лос-Анжелесе, или о гениальном жулике, продающем дешевую красную икру задорого под видом невиданной экзотичной икры розовой. Приближаясь к тематике, видимо, волнующей его профессионально, обсуждает рецепты современного литературного успеха – в статье «Любимец Бродвея» рассказывает о Генри Гопвуде, драматурге, знающем, что хочет публика – приспособливающим фарсы для Бродвея, поставив этот производственный процесс на конвейер:

«Черную работу перевода исполняли очкастые барышни с безнадежными профилями, молодые люди в лоснящихся пиджаках <...> Голливуд накладывал “глянец”. Французскую “клубничку” переводил на язык, волнующий самцов 42 улицы» (18 декабря 1925 г.).

В статье «Победоносное невежество» Ветлугин пишет о всего 15-20 дельцах, контролирующих киноиндустрию: т.н. «Трест» (Парамаунт, Метро–Голдвин, Ферст Нэйшенал) и о их фантастическом невежестве, задающем в Голливуде тон (11 декабря 1925г.). Вспомним по этому поводу, что еще перед отъездом с первых своих голливудских каникул в Нью-Йорк, под занавес он разразился сатирической статьей об очередной «развесистой клюкве» – изготовлявшейся в то самое время в Голливуде экранизации «Дубровского» с Рудольфом Валентино» под названием «Черный Орел»: по сценарию, дело происходит в 1912 г., а Дубровский является любовником императрицы

(режиссер – Кларенс Браун).

И вновь Ветлугин возвращается к теме русских в американском кино – статья «Русские на экране», 26 декабря 1925 г.): оказывается, что не только Буховецкий, но целый ряд голливудских деятелей – уроженцы России, как Люис Майлстон, постоянный режиссер компании Уорнер Бразерз, или Роль Слуп, постоянный директор у Сесиль де Милла. Список Ветлугина включает русских актеров – М. И. Вавича, Сусанина, Юренева, «Юку» Трубецкого и др.; он также упоминает б. генерала Пешкова, заведующего технической частью у Валентино, Ф. А. Ладыженского, завтеха у Глории Свансон, сценаристов Дунаева, Сергеева, Москова, и не забывает сообщить, что сами Сэм Голдвин и Джозеф Скенк – русские уроженцы.

Именно из Голливуда Ветлугин присылает несколько статей литературного содержания. Он явно чувствует себя здесь свободнее и увереннее. Похоже, что новый критический интерес к тому, что происходит в это время в мировой литературе, отражает беседы с новым кругом собеседников, обретенных в Голливуде. В статье «Придавленные и всполощенные» (26 ноября 1925 г.) он делит культурный мир на две части: война придавила одну часть мира, война всполошила другую. Отдыхает душа на литературе всполощенных наций – Англии и Соединенных Штатов, и список авторов, предпочитаемых Ветлугиным, состоит из англичан и американцев, за которыми, как он предполагает, будущее. Французы же, русские, немцы придавлены:

Французский роман, подобно французской душе, подобно Франции, растерзан, скомкан, тускл, подражателен. Немецкий роман совершенен. Но ужасен.

День появления Достоевского в немецком переводе – черная траурная дата в жизни германской культуры. <...> дешевое подражание Достоевскому, без его «глубин», но со всей немецкой аккуратностью воспроизведены стилистический ужас и расхлябанность Достоевского. Достоевский – был предчувствие, озаренность, катастрофа. Немецкие «достоевчики» – мрак и смрад ночного притона, где подают маргарин вместо масла...

Весьма суров и приговор Ветлугина новой русской литературе:

За исключением 2-3 имен (Замятин, Бунин), сегодняшняя литература русская формируется из временщиков, фаворитов на час, которых читают не потому, что было бы интересно читать, а потому, что боятся быть причисленными к разряду староверов.

Подробный и внимательный разбор новейшей литературной ситуации в России последовал незамедлительно, уже 1 сентября 1925 г. в статье «Этнография и литература» Ветлугин объявляет главной чертой литературы ее наполненность сырым бытовым и этнографическим материалом: главной же чертой литературной жизни вообще ему кажется отсутствие или редкость независимой, надпартийной критики, ее скованность кружковыми интересами.

Новейшая русская литература вырождается в этнографию – вот

крик тех из российских критиков, которые не связаны с новейшими русскими писателями узами дружбы, бывшего совместного мешочничества или кружковщины. И в России и за так называемым «рубежом» сотни строк написаны о молодой писательнице Сейфуллиной. Один Пильняк может соревноваться с ней количеством полученного отечественного и иностранного внимания. Какой-то остряк даже перепер Сейфуллину и Пильняка на язык английский. Теперь, когда уж почти три года отделяют нас от Пильняковско-Сейфулинского взрыва, об обоих можно говорить спокойно, не боясь прослыть литературным консерватором. В чем секрет успеха обоих... Как это ни грустно — в фаршировке рассказов и повестей словами, порожденными революцией, что дало им право именоваться «выразителями новой стихии».

Вытравите из Пильняка все «наркомобразы» и «главбумы». Останется омоложенный Авсеенко, Баранцевич или Муйжель.

Отсутствует какое бы то ни было понятие о большом литературном стиле. Фабула и не ночевала. Обрисовка характеров — бурлеск. похуже синеματοграфического. Живет в Америке режиссер Ван Строейм. Специальность его — показание и прославление естественных отправлениях человеческого организма. Процедите австро-американского Строейма сквозь сито московской Козихи, получите Пильняка. Конечно, минус Ван Строеймовская фантазия и сарказм. Рассказы и повести Пильняка претендуют на обрисовку «нового быта»... Горе новому быту, если он таков, как его описывает Пильняк. Новый быт этот существовал в эпоху Помяловской бурсы. <...> Сейфуллина... Вспоминается при прочтении ее сотни тысяч слов то, что сказал молодому Есенину (в 1913) умный и злой старик: «Сережа.. Неужели так сера, неинтересна, скучна русская жизнь...» <...> Вооружитесь словарем Даля и принимайтесь за чтение Сейфуллиной. Может быть, поймете все слова. Но стоит ли морочить голову... Выбросьте из Сейфуллиной этнографию — останется след морщинистый и влажный.

Ветлугин жадно и заинтересованно следит за русской жизнью, приветствуя то, что кажется ему признаками нормализации. Но дорого ему и преобразование России в современную страну, которое на его глазах произошло в революцию. В статье «То, что не вернется» — рецензии на «Записки писателя» Евгения Лундберга (которого он должен был знать по Берлину 1922-1923 гг.) — он выделяет следующее «поистине проникновенное место»: «Сколько бы завоеваний революции не смыла обратная волна — одно останется на отмели времен: отвращение к косности». Лундберг приветствует «нормализацию» — например, приезд в Москву французского фарса, — и Ветлугин согласен с ним:

«Фарс — всегда хорошо. Там, где фарс, там жизнь. Побольше бы фарсов, поменьше бы Андреев Белых, и получилась бы здоровая нация».

Вот что понимает мудрый Лундберг под «обратной волной». Но и он, и мы, и вы, и они, и левые и правые, и розовые и серобуромалиновые – все понимают, что не вернется косность.

Не вернется серая Россия «Русских Ведомостей», московских чаепитий, чеховских героев, идиотских диспутов в религиозно-философских обществах, трех сестер, унылых передовиков, студентов, ознаменовавших день кончины Толстого забастовкой (хоть Толстой всю жизнь проповедовал труд), рахитичных либералов.

Чеховским Трех сестрам дали хорошую встречу.

В 1919-1921 все три занимались мешочничеством и в «Москву» попали, потому что надо было муку на ситец обменять.

Возвращается быт.

Но косность умерла.

Россия американизируется. (22 октября 1925 г.)

Мы не знаем, когда был решен вопрос о его переезде в Голливуд (естественно, предполагавший большую независимость от направления газеты), но уже 3 января Ветлугин позволяет себе написать очень жестко по адресу недавно посетившего Америку Маяковского.

<...> Узнал, что В.В.Маяковский разочарован в американцах, хотя самый 100-процентный американец, с которым он столкнулся, был молодой футурист, прибывший в Америку два года назад...

Остальные прожили здесь от 24 часов до 6 месяцев.

Узнал, что В.В.Маяковский считает американскую литературу и театр хламом, хотя по-английски он не говорит, не читает и не понимает.

<...> («Моя коллекция», 3 января 1926 г.)

Маяковский приехал в Америку из Мексики 27 июля 1925 г. и пробыл в Нью-Йорке с 30 июля по 28 октября, выезжая с краткими визитами в другие города. Общий тон высказываний Маяковского об Америке частично известен: ср. публикации «Из беседы с американским писателем Майклом Голдом» и «Из беседы с редактором газеты «Фрайгайт»»¹³, а также (смягченные) отчеты о его выступлениях в Нью-Йорке (о докладах «О советской поэзии» 10 сентября 1925 г. и «Что я привезу в СССР» 4 октября 1925 г.¹⁴). Это утверждения о духовной нищете Америки, о провинциальности американцев и об отсталости американского искусства. Ветлугин уже успел в свое время, в сентябре 1925 г., гневно отреагировать в газете на посещение «одним поэтом» Америки и на его оскорбительные высказывания о ней при полном незнании реалий, но тогда не

¹³ Маяковский В.В. Полное собрание сочинений в 13 т.т. Т.13.М.1961. С.223-226.

¹⁴ Указ. соч. Т.12, С.475-479.

указал имени визитера. И только теперь он, похоже, переживающий приступ эйфории от почувствованной в Калифорнии новой свободы, вслух называет имя обидчика.

«Молодой футурист» – это, очевидно, Бурлюк, приехавший в Америку в 1922 г. (в «Русском голосе» он начал работать в 1923 г.) С иллюстрациями Бурлюка тогда же вышла американская книжка Маяковского «Открытие Америки» (Нью-Йорк, 1925) – первый вариант «Моего открытия Америки». Вскоре, после переезда Ветлугина в Голливуд, Бурлюк станет в «Русском голосе» центральной фигурой, ориентируясь в своих фельетонах на стиль бывшего коллеги.

Самоубийство Есенина в конце 1925 г. вызвало у Ветлугина волну воспоминаний, которые он публиковал в «Русском голосе», находясь в Лос-Анжелесе. Это очерки «Памяти Есенина» и «Еще о Есенине», помещенные в номерах от 4 января и 9 января 1926 г.¹⁵, и вскоре последовавшие за ними «Воспоминания о Есенине»: 30, 31 марта и 3, 5, 12 апреля 1926 г.

Есенин впервые появляется в публицистике Ветлугина в 1922 г. в Берлине, а Ветлугин (см. выше) незримо присутствует в американском очерке Есенина. В конце мая 1923 г. Есенин с Кусиковым вновь оказались «на гастролях» в Штатах, и Ветлугин отразил их визит в газете. Летом он уезжал в Европу и, возвращаясь в Штаты, на борту корабля, написал Есенину, в то самое время плывущему в противоположном направлении, в Россию (в то время как Кусиков остался в Париже), письмо, в котором заявил свое право на иную, не литературную, а частную судьбу: возможно, литературная известность оказалась по-человечески тяжела для молодого автора.

«<...> Ты ушел в Москву («Творчество»). Я еду в ненавистную тебе Америку. (Мечтаю об юдоли Мак-Дональда). Мне мое имя – строка из паспорта, тебе — надпись на монументах. <...> Быть Рокфеллером – значительнее и искреннее, чем Достоевским, Есениным и т.д. И в этом мое расхождение с тобой.<...> Это не трактат о «ты» и «я». Просто объяснение. почему мы никогда не смогли бы сойтись. О тебе вспоминать буду всегда хорошо, с искренним сожалением, что меряешь на столетия и проходишь мимо дней»¹⁶. Это письмо он опубликовал и в «Русском голосе» под названием «В океане» 16 октября 1923 г. В ноябре Ветлугин написал о своем друге еще одну заметку, из которой можно заключить одновременно о его верности Есенину и о глубоком конфликте с ним: это статья «Болезнь Есенина» (26 ноября 1923 г.) – страстная защита поэта от накопившегося во время его вторых американских гастролей раздражения, связанного с его дебошами, вроде известного инцидента в доме у еврейского поэта Мани-Лейба (Брагинского): «Говорить об антисемитизме Есенина может только тот, кто не имеет о нем никакого понятия, кто днем подлизывается к евреям, а ночью мечтает о Кирилле Владимировиче».

В мемуарной заметке «Памяти Есенина» 4 января 1926 г. Ветлугин, уже не замазывает, а подчеркивает двойственность Есенина:

---

¹⁵ Есениниана Ветлугина републикована в малодоступном и малотиражном перестроечном сборнике: *Шубникова-Гусева Н.И.* «Русское зарубежье о Есенине. Воспоминания, эссе, очерки, рецензии, статьи. В двух томах.» М., «ИНКОН». 1993. Т.1. С.129-139.

¹⁶ Вопросы литературы», 1977, № 6, С. 234-235.

«Тихий отрок», «Мальчик из Рязани», «распятый поэт» – для тех, кто знали Есенина дневного, солнечного. лучащегося. «Неукротимый скандалист», «сумасшедший», «хулиган» для тех, кто имели несчастье столкнуться с хаосом ночной души Есенина, громившего и буйствовавшего.

Ветлугин подчеркивает свою кровную связь с Есениным:

Весь – нашего поколения.

Пивший с нами одну и ту же чашу...

Есенин – брат (почти) и смертельный враг (почти).

Быть может, я – не единственный человек в мире, которому «лучше не молчать» об Есенине.

Я знал обоих.

«Отрока Божьего»...

«Скандалиста неукротимого»...

Есенин – казарменных Берлинских Отелей, Елисейских Полей, Весенней Венеции, Бродвея и Мичиган Авеню: годы 1922-3.

В поездах и на пароходах, за обеденн(о)м столом и в рабочем кабинете.

Слишком, слишком хорошо я знал Есенина.

Есенин на дне сердца моего...

Ветлугин с пронзительной правдивостью признается в том, как тяжелы были его отношения с Есениным:

Его можно было любить.

Его можно было ненавидеть...

Когда я думаю о нас – 5-6 рассеянных по белу свету – «бывших с Есениным», – я ощущаю с остротой зловецей:

Мы его больше ненавидели, чем любили...

Двойственность Есенина Ветлугин трактует по Мережковскому – в духе его очерка о Глебе Успенском:

Когда здесь, за 10.000 миль от того места. я читаю и перечитываю его разрозненные письма, злобно-печальные, слезно саркастичные – я вспоминаю предсмертный бред Глеба Успенского: ангел «Глеб» боролся со свиньей «Ивановичем»...

Есенин хотел быть с новой Россией (кто возьмется определить содержание этого истертого пятака «новая»?)

Есенин душой принадлежал к героям Мережковского «Христос и Антихрист»...

Его жизнь была ужасна...

Подымался и падал. <...>

*Достоевщина, Успенщина, Мережковщина..
А жил он в Москве Ленина...*

Для Ветлугина именно это объясняло «священные эпилептические припадки (каждые 10 дней)», во время которых поэт «добирался до таких пропастей, на дне которых – “веревка Ставрогина”».

Во втором мемуарном очерке «Еще о Сергее Есенине» 9 января 1926 г. Ветлугин с отвращением отстраняется от массы грязи, вылитой мемуаристами на голову погибшего поэта, и пытается вместо этого строго и трезво судить о его творчестве:

Когда Есенин наскоро «для издателя», для «аванса» – детским своим почерком набрасывал три-четыре сотни строк – «литературищина» снова поднимала голову. Он был слишком живой, он был слишком злободневный, он слишком всерьез принимал фигуры, проходившие по экрану хаотичной его жизни.

Он писал или со злобой.

Или в состоянии Магометовского просветительного восторга.

И то и другое исключало прекрасное.

По Ветлугину, Есенин так и не осуществился:

Есенина-лирика остановила революция. Он как-то «застыдился» нежности своей.

Есенину-эпику не дала развиваться кошмарная жизнь его.

Итак, в начале 1926 г. Ветлугин начинает работать в Голливуде и постепенно уходит из русской эмигрантской журналистики – мы еще не знаем, как и когда именно. По всей видимости, он отказывается и от просоветской политической ориентации – правда, совершенно необязательно из этого делать вывод об отказе его от некоторой политической левизны. Стандартная для американского интеллектуала политическая позиция предполагала увлечение Троцким и неодобрение «сталинского термидора» и репрессий в Союзе. В любом случае, можно было уверенно ожидать от Ветлугина левизны литературной.

Бурлюк свидетельствовал о том, что в 1929 г. Ветлугин был издателем американского журнала «Paris – Comit»¹⁷. Бурлюк неправильно прочел (не будучи, видимо, полиглотом) или переврал название: указатель Библиотеки Конгресса США такого названия не приводит. Зато имеется длинный список французских журналов, вернее, бюллетеней разнообразных общественных организаций или ученых обществ, названия которых начинаются со слов: Paris. Comite...(следует название комитета). Некоторые из них изданы во франкофонной Канаде, и считанные единицы – в Соединенных Штатах. Скорее всего, Ветлугин издавал бюллетень франко-американского

---

¹⁷ Вопросы литературы, 1975. №10, С.242.

комитета. В Париже этот комитет назывался Paris. Comite France-Amerique: с 1924 г. в Штатах это же общество стало называться Comite central des societes Francaises a New York, комитет этот представлял старую и богатую французскую общину, сосредоточенную главным образом в Нью-Йорке и на юге США. Из сообщения Бурлюка, возможно, следует, что Ветлугин в какой-то момент вернулся из Голливуда в Нью-Йорк, но не нашел постоянной работы в русскоязычной газете, что весьма вероятно, если учесть свирепствовавшую в 1929 г. безработицу – результат Великой депрессии.

Толстой похоже и обидно изобразил его в фигуре Володи Лисовского в романе «Черное золото» («Эмигранты»), писавшемся именно в 1929 г. Сама эта фамилия перекликается с двумя демонстративно разными подписями под двумя одинаковыми материалами, опубликованными, как нам кажется, Ветлугиным, начинавшим свою карьеру в «Русском голосе» обозревателем прессы: вспомним о *М.Лисовском*, автором заметки «Российский быт. О хипесниках (из “Известий”») в номере за 4 февраля 1923 г., и о рифмующемся с ним и фонетически, и семантически *Н.Зубовском*, чья подпись стоит под материалом «Мастыри. Из быта уголовщины», помещенном в «Русском голосе» 18 марта. Не напоминал ли Толстой своему бывшему «Санчо Пансе» не только о его бесславном периоде первоначальной адаптации в новой стране, но и о его прошлом «спекулянта» и «афериста»?

Мы не знаем, что именно подтолкнуло Толстого на такую резкую переоценку своего младшего приятеля. Можно предположить, что отношения их были испорчены в связи с неудачными попытками Ветлугина пристроить в советской России через Толстого свой перевод пьесы Юджина О’Нила «Анна Кристи». Толстой прошелся по ветлугинскому переводу и в 1925 г. поставил пьесу как свою собственную обработку. Она шла в Московском драматическом театре (б. Корша). Существует письмо Ветлугина А.В. Луначарскому от 2 января 1925 г. с просьбой разрешить ленинградскому Обществу драматических и музыкальных писателей перевести в Америку причитающийся Ветлугину авторский гонорар за перевод пьесы «Анна Кристи» американского драматурга Юджина О’Нила¹⁸.

*****

Ветлугин в конце концов в Голливуд вернулся и сделал там головокружительную карьеру – возглавил Story Department (отдел сценариев) на MGM (Metro Goldwin Mayer), то-есть стал «магнатом», как его называет один из киномемуаристов; в американских киномемуарах упоминается и его «промежуточная» женитьба на богатой еврейке; говорится и о его последней жене, киноактрисе Беверли Майклз (р.1927) – это уже конец сороковых, когда он сам выступил в качестве продюсера двух фильмов – «East Side, West Side» (1949) и «Ее жизнь» («A Life of Her Own», 1950, по роману Ребекки Уэст «Abiding Vision»). Это были второразрядные картины с первоклассными актерами. В «Ее жизни»

---

¹⁸ Личное дело №1842 члена Союза драм.и муз.писателей В.И.Ветлугина. РГАЛИ, Ф.165. Цит. по Вопросы литературы. 1975. № 10.С.242.

Эта пьеса, как сообщил мне Д.А.Толстой в конце 90-х, была найдена в бумагах Толстого без всяких опознавательных знаков, но с его рукописными пометами в машинописи, и архивисты обращались к нему за подтверждением толстовского авторства этого перевода.

играла Лана Тернер, а режиссёром был знаменитый Кьюкор. Беверли Майклз сыграла в «Ист Сайд, Уэст Сайд». В том же 1949 г. они поженились. Уже в 1951 г. двадцатидвухлетняя Беверли попросила развода, обвиняя пятидесятилетнего мужа в жестокости. Через два года он умер, и она унаследовала его значительное состояние.

Литературные достижения и шире – экзистенциально-культурная позиция Ветлугина не могла не вызывать уважения. Вот как он сам сформулировал свое кредо:

Когда я предстану перед лицом Страшного Суда и меня спросят: «Что хорошего ты сделал на Земле?», отвечу: «Никого не пытался отговорить курить... Никогда не возмущался тем, что женщины с помощью помады и пудры исправляют недостатки природы... и никого, никогда, нигде и ни в чем не пытался уговорить или разубедить... Делил все человечество лишь на два класса – джентльменов и хамов... И первым прощал все их привычки и пороки...»

– писал он в протонабоковском, как нам кажется, ключе 3 декабря 1925 г. в статье «Обольстительная привычка» (посвященной американскому национальному обычаю жарить индейку в День Благодарения).

Хотя Ветлугин был писателем одаренным и ярким — мистификатором, эрудитом, модернистом, снобом, — все же он оказался недооценен. Его слишком ранняя парижско-берлинская известность не принесла ему настоящей любви и популярности у читателя. Возможно, он слишком близко к сердцу принял критику своего романа, в особенности наивное отождествление автора с героем, и слишком поспешно сошел с дистанции. Американский же успех в конечном счете означал уход из русской литературы.